

Т. Чалая (Воронеж)

РУМЫНЫ ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ

**(Участие румынских войск в боях на советско-германском фронте
в оценке немецких генералов)**

18 декабря 1940 г. в директиве № 21, получившей кодовое название «План Барбаросса», был изложен план молниеносной войны Германии против Советского Союза. В директиве уже предусматривалось участие в войне двух союзников: Румынии и Финляндии. Задача Румынии заключалась в том, «чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы на начальном этапе операции сковать противника там, где не будут действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах»¹.

К 22 июня 1941 г. Румыния стала плацдармом войск фашистской «оси» для наступления на восток. На советско-румынской границе фашистское командование сосредоточило три армии (11-ю немецкую, 3-ю (ген. П. Думитреску) и 4-ю (ген. Н. Чуперца) румынские) и ряд других частей, общая численность которых превышала 600 тыс. человек². Больше половины этой армии составляли румынские солдаты и офицеры. По данным румынского Генштаба, в июле 1941 г. численность личного состава армии под ружьем составляла около 700 тыс. человек, в том числе непосредственно на фронте находилось 342 тыс. солдат и офицеров³.

Глава Румынии, кондукэтор Ион Антонеску одним из первых среди союзников Германии узнал о готовящемся плане нападения на СССР. Румынский король Михай был молод, и Антонеску, обладая реальной силой в стране – армией, государственным аппаратом, фактически оттеснил короля на второй план. Указы, составленные Антонеску, король послушно подписывал. Так в сентябре 1940 г. Михай подписал указ, которым отменялась конституция, распускался парламент, а «господин генерал Ион Антонеску уполномочен руководить государством»⁴.

В неформальной обстановке, не прикрываясь идеологическими штампами, Адольф Гитлер неоднократно подчеркивал: «Из всех наших союзников Антонеску обладает наиболее широким кругозором. Это в полном смысле слова личность. Это человек крупного масштаба, не позволяющий увести себя в сторону от его курса. И он неподкупен. Более того, это человек, какого в Румынии до этого не было. Он – прирожденный солдат. Его несчастье в том, что под его командованием румыны»⁵.

Отношение фюрера к румынскому диктатору и армии емко передает его фраза: «Что касается Румынии, то у нее лишь один мужчина – Антонеску!»⁶. Не

случайно исключительно заслугой Антонеску Гитлер считал создание боеспособных румынских войск⁷.

Видя в румынском диктаторе человека «немецкого происхождения»,⁸ Гитлер не скрывал своего уважения к нему, как к сильной личности с твердым, решительным характером.

В годы войны немцы не скупились на похвалы Антонеску, возможно, желая использовать в своих интересах тщеславие румынского диктатора, его ненависть к большевизму и желание войти в историю не только в качестве «спасителя» румынской нации, но и одного из вершителей судеб «новой» Европы. В воспоминаниях немецких генералов, написанных уже после войны, видимо, содержится более объективная оценка личностных, деловых и союзнических качеств Антонеску.

Генерал-фельдмаршал, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта, один из ближайших военных советников Гитлера В. Кейтель в воспоминаниях так характеризовал румынского лидера: «Антонеску был истинный солдат, строго деловой, откровенный и прямолинейный, но довольно посредственный и зачастую весьма критически настроенный, обладал железной волей, но вот была ли у него счастливая рука, особенно в политическом отношении, сомневаюсь. Антонеску искал советов фюрера, но не следовал им, так что политически был одинок; хотел опираться на армию, а она никуда не годилась. Этому неподкупному человеку и отличному солдату просто не хватило времени, чтобы добиться своего»⁹.

Находившийся на советско-германском фронте с июня 1941 г. по август 1943 г. генерал-майор Г. Дёрр, последовательно занимавший должности: начальника штаба 52-го армейского корпуса, начальника 2-го немецкого штаба связи при 4-й румынской королевской армии, командира 384-й пехотной дивизии, начальника штаба 17-го армейского корпуса, об Антонеску отмечал, что он был «единственным влиятельным лицом из всех деятелей держав оси, – говорившим с Гитлером без обиняков и не позволявшим себя игнорировать»¹⁰. По личным наблюдениям Дёрра, «Маршал Антонеску, командующие армиями Думитреску и Константинеску, а также подчиненные им командиры, являясь верными товарищами своих братьев по оружию – немцев, делали все для хорошего сотрудничества с командованием немецких войск»¹¹.

Фельдмаршал Э. фон Манштейн, по определению Г. Гудериана «лучший оперативный ум» вермахта, об Антонеску писал: «Как бы история не оценила его как политика, он был истинный патриот, хороший солдат и наш самый лояльный союзник. Он был солдат, связавший судьбу своей страны с судьбой нашей империи, и вплоть до своего свержения он делал все, чтобы использовать вооруженные силы Румынии и ее военный потенциал на нашей стороне. Если это ему, может быть, не всегда в полной мере удавалось, то причина этого крылась во внутренних особенностях его государства и режима. Во всяком случае, он был преданным союзником, и я вспоминаю о сотрудничестве с ним только с благодарностью»¹².

Генерал-полковник танковых войск вермахта Г. Гудериан в воспоминаниях так описывал личную встречу с Антонеску после покушения на Гитлера в августе 1944 г.: «Румынский маршал оказался не только хорошим солдатом, но и большим знатоком своей страны, ее транспорта, экономических и политических вопросов. Все, о чем он говорил, было обосновано и в то же время выражено в любезной и вежливой форме. Такое сочетание редко можно было встретить в Германии в то время. Вскоре он начал говорить о покушении на Гитлера, не скрывая своего возмущения: «Поверьте мне, я могу доверить свою жизнь любому своему генералу. У нас немислимо участие офицеров в таком государственном перевороте!» Гудериан отмечал: «Антонеску сильно в этом заблуждался и должен был поплатиться смертью за свою ошибку»¹³.

Гитлер заверял, что с пониманием относится к территориальным притязаниям фашистской Румынии на Востоке. Он обещал румынам земли в Бессарабии и между Днестром и Бугом, окрестив этот регион «Транснистрией». Румынских крестьян, одетых в солдатские шинели, по радио и в печати убеждали, что война против большевиков-безбожников – «святая», «за веру». Им гарантировали, что пролитая кровь будет справедливо вознаграждена завоеванной землей. В румынской армии был распространен циркуляр № 1500/A, в котором говорилось, что «воинские части должны составить именные списки отличившихся офицеров, унтер-офицеров и солдат, заслуживающих быть наделенными землей. Списки должны составляться воинскими частями через каждые 15 дней»¹⁴.

С точки зрения фюрера, из-за климата, плодородных почв и малой концентрации населения Румыния должна была развиваться как аграрная страна, полностью лишенная собственной индустрии. Задача этого государства – стать «германской житницей», в обмен «она будет получать от нас промышленные товары, в которых нуждается»¹⁵. Румынский пролетариат, по мысли Гитлера, должен полностью исчезнуть. Румынское крестьянство для него лишь «никчемный скот»¹⁶.

Гитлер понимал, что нефть Румынии – это «черное золото» во многом определяющее победу Германии в войне. «Как жаль, что на место румын нельзя поселить хорватов!» – воскликнул фюрер в застольной беседе 26 февраля 1942 г.¹⁷.

Таким образом, Гитлер презрительно относился к румынскому народу, невысоко ценил боеспособность союзнических армий, что не мешало ему ставить перед румынскими соединениями важные стратегические задачи. Официальная позиция немецкого командования сводилась к следующему: «румыны – солдаты второго сорта, но они нам нужны»¹⁸.

С точки зрения генерала пехоты германской армии, военного историка К. фон Типпельскирха, румынские соединения в боеспособности уступали не только немецким, но и русским войскам: «Дивизии союзников были оснащены слабее немецких, особенно им не доставало противотанкового оружия. Их артиллерия не имела современных тяжелых систем, как немецкая или русская, а недоста-

точное количество средств связи и плохая подготовка не позволяли им осуществлять внезапное массирование огня... Румыны... вели бой главным образом живой силой, и в борьбе против русских их людские ресурсы быстро таяли. Они нередко воевали самоотверженно, но ввиду недостатка в технике, небольшого боевого опыта и невысокой боевой выучки уступали в тактике русским, которые умели щадить собственные силы»¹⁹.

В августе 1941 г. румынские подразделения заняли Бессарабию и Северную Буковину. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии, генерал-полковник Ф. Гальдер в «Военном дневнике» 9 июля 1941 г. четко и скрупулезно характеризуя обстановку на фронте в полосе группы армии «Юг», признавал: «Румыны, против ожидания, сражаются хорошо»²⁰. 6 августа 1941 г. в Бердичеве, в штабе командующего группой армии «Юг», Гитлер, отмечая военные заслуги «освободителя Бессарабии» Антонеску, лично наградил его высшей наградой рейха – Рыцарским крестом.

В 1941–1942 гг. румынские дивизии участвовали в штурме Одессы, воевали под Керчью и Севастополем, принимали участие в операциях под Харьковом, дошли до Кавказа и Волги. В летне-осенней кампании 1942 г. Румыния из всех сателлитов Германии выставила наибольшее число дивизий против СССР²¹. 3 и 4-я румынские армии участвовали в битве под Сталинградом.

Ф. Гальдер 20 августа 1941 г., анализируя ситуацию под Одессой, отмечал: «Одесса все еще продолжает вызывать беспокойство... Пока еще вызывает сомнение вопрос, доросло ли румынское командование и его войска до выполнения такой задачи. Наше верховное командование не хочет вмешиваться в дела румынского командования. Таким образом, нам остается только ждать, как будут развиваться события»²². «21 августа... Румыны считают, что им удастся занять Одессу в начале сентября. Это слишком поздно. Без Одессы мы не можем захватить Крым»²³. 26 сентября 1941 г. Гальдер записал в дневнике: «Позавчера Антонеску принял решение просить немецкой помощи, так как румыны не смогут взять Одессу одни»²⁴.

Румынские подразделения осмелились вступить в Одессу 17 октября 1941 г. – лишь через сутки после организованной эвакуации оттуда советских войск Приморской армии. Но в Бухаресте ликовали. Антонеску «за взятие крепости Одесса» было присвоено звание маршала.

Генерал-полковник Э. фон Клейст, командующий армейской группой «Клейст», а с 21 ноября 1942 г. – группой армий «А» вплоть до ее переименования в группу армий «Южная Украина», был не высокого мнения о войсках сателлитов. В личной беседе с Гитлером, он предупреждал фюрера, что «было бы большой ошибкой полагаться на этих вояк... Гитлер не стал слушать, заявив, что союзнические части будут использованы только на самых безопасных участках фронта»²⁵.

Фельдмаршал Ф. фон Бок, возглавлявший в 1941 г. группу армий «Центр», а с весны 1942 г. – группу армий «Юг» в своих воспоминаниях не дает анализа войскам сателлитов. О румынах, характеризуя обстановку под Севастополем 27 февраля 1942 г., он писал, что они отличались «низкой боеспособностью и

боевым духом»²⁶. Вблизи границ своей родины, война для некоторых румынских солдат имела известный смысл, но чем дальше они продвигались вглубь советской территории – тем меньше понимали, за что воюют. Все это лишало их наступательного порыва, рождало усталость и безразличие. На подобные настроения румынских солдат неоднократно обращает внимание в своих мемуарах немецкий генерал Фридолин фон Зенгер унд Эттерлин, назначенный осенью 1942 г. командиром 17-й танковой дивизии, задачей которой был прорыв кольца окружения 6-й армии Паулюса²⁷. Чего еще можно было ожидать от людей, не имевших цели, за которую стоит положить свою жизнь? – риторически вопрошает генерал²⁸.

Назначенный начальником Генерального штаба сухопутных войск Германии осенью 1942 г., генерал-полковник К. Цейтцлер, давая оперативный обзор хода Сталинградской битвы, особое внимание уделил событиям 19 ноября 1942 г. «Артиллерийская бомбардировка румынских позиций становилась все более интенсивной. И вот под прикрытием сильной снежной метели, в двадцатиградусный мороз Красная Армия перешла в наступление. На румын шли массы танков с пехотой, находившейся на танках или двигавшейся позади них. Повсюду русские имели огромное численное превосходство. Румынский фронт представлял собой печальную картину полного хаоса и беспорядка... Одни донесения рисовали общую картину панического бегства румынских войск и появления русских танков глубоко в нашем тылу. В других же говорилось о героическом сопротивлении румын и уничтожении множества советских танков. Наконец, обстановка прояснилась. Русские прорвали фронт в двух местах»²⁹.

Г. Дёрр оценивал Сталинградскую битву как «величайшую ошибку, когда-либо совершенную военным командованием». Акцентируя внимание на трагедии 6-й немецкой армии, он затрагивал и проблемы сателлитов. По мнению Дёрра, непритязательные румынские солдаты «храбро сражались, выполняли поставленные перед ними задачи и хорошо проявили себя, участвуя в боях в составе немецких соединений в Подолии, Донбассе, в Крыму, на Кавказе». Вину за развал румынских позиций у Сталинграда «несет главное командование немецкой армии, которое в своем высокомерии, переходящем всякие границы, ставило перед союзниками не выполнимые для них задачи». Несмотря на нехватку вооружения и обмундирования, «румынским дивизиям были отведены полосы, ширина которых по фронту была равна ширине фронта, принятой для дивизии в германской армии. Следует учесть, что румынские войска не были подготовлены для смелого ведения боя в боевых порядках, присущих германской армии... Ширина полос для дивизий в 20 км и больше не отвечала возможностям румынских войск. Следствием явилось то, что войска с самого начала чувствовали себя неуверенно и слабее противника, так как они знали о своей неспособности отразить атаки танков.

В этих условиях нельзя было требовать от румынских дивизий таких же успешных действий, как и от имевших современное вооружение немецких

дивизий». Г. Дёрр считал, что немцы не имеют морального права давать отрицательную оценку действиям румын в боях за Сталинград³⁰.

Офицер разведывательного отдела штаба VIII армейского корпуса 6-й армии И. Видер особый упор делал на тот факт, что в течение нескольких недель до наступления советских войск под Сталинградом румынский «Большой генштаб» предупреждал о надвигающейся грозе – румыны обращались буквально во все вышестоящие немецкие штабы, предостерегали, просили, требовали, выходили с предложениями – на них не обращали внимания»³¹.

Начальник управления кадров 6-й немецкой армии В. Адам утверждал, что «генерал Паулус высоко ценил румын», видел, что «румынские солдаты были храбры и выносливы», но понимал, что «по сравнению с немецкими дивизиями боевая мощь союзников составляла только 50-60 процентов»³².

Фельдмаршал Э. фон Манштейн дал наиболее взвешенный, объективный анализ сильных и слабых сторон румынской армии.

К сильным сторонам он отнес, прежде всего, неприязнительность, выносливость и смелость большинства румынских солдат, происходивших из крестьян. Далее, то, что «несмотря на все недостатки и ограничения, румынские войска, насколько позволяли их возможности, выполняли свой долг». И, наконец, то, что румыны «с готовностью подчинялись немецкому командованию, не руководствовались соображениями престижа, как другие наши союзники, когда вопросы нужно было решать по-деловому»³³.

Слабости румынских войск, по мнению Манштейна, заключались в следующем. Во-первых, «низкий уровень общего образования только в очень ограниченном объеме позволял подготовить из румынского солдата инициативного одиночного бойца, не говоря уже о младшем командире».

Во-вторых, «решающим недостатком, определявшим непрочность внутреннего строения румынских войск, было отсутствие унтер-офицерского корпуса в нашем понимании этого слова».

В-третьих, «немаловажное значение имело то, что значительная часть офицеров, в особенности высшего и среднего звена, не соответствовала требованиям... Не было тесной связи между офицером и солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом».

Далее Манштейн указывал, что «боевая подготовка из-за отсутствия опыта ведения войн не соответствовала требованиям современной войны. Это вело к неоправданно высоким потерям, которые в свою очередь отрицательно сказывались на моральном состоянии войск. Управление войсками, находившееся с 1918 г. под французским влиянием, оставалось на уровне идей Первой мировой войны».

Кроме того «вооружение было частично устаревшим, а частично недостаточным. Это относилось в первую очередь к противотанковым орудиям, так что нельзя было рассчитывать, что румынские части выдержат атаки советских танков».

Еще один важный, с точки зрения Манштейна, момент, ограничивающий возможность использования румынских войск в войне на востоке, – «это большое

уважение, которое питали румыны к русским. В сложной обстановке это таило опасность паники».

Отдельно фельдмаршал выделял тот факт, что к сентябрю 1941 г. «Румыния уже достигла своей собственной цели в войне, возвратив себе отнятую незадолго до этого Бессарабию... Понятно, что мысль о необходимости продвигаться дальше в гущу грозной России не вызывала у многих румын особого энтузиазма»³⁴.

И, наконец, особое внимание Манштейн уделял устаревшим армейским порядкам – практиковавшимся телесным наказаниям и отсутствию одинакового снабжения румынских солдат и офицеров. «Румынский офицер стоял на той точке зрения, что румынский солдат – по своему происхождению крестьянин – привык к самой грубой пище, так что офицер спокойно мог за его счет увеличить свой паек... Даже мой протест, заявленный маршалу Антонеску, ни к чему не привел. Он взялся расследовать это дело, но затем сообщил мне, что ему доложили, будто все в порядке»³⁵.

Рассуждения Манштейна о порядках в румынской армии дополняют и конкретизируют воспоминания офицера вермахта, командира саперного батальона майора Г. Вельца. В своей книге «Солдаты, которых предали», посвященной боям за Сталинград, он так описывал устои в румынской роте: командир роты «сам выдает еду. У него тут есть своя особая система. Прежде всего, наполняются котелки офицеров – мясом и бобами, почти без жидкости. Потом очередь унтер-офицеров. Они вылавливают из котла остатки гущи. А все, что остается, – теплая безвкусная вода идет рядовым. Таково правило... Взамен недостающей еды побои... Солдат все равно получит свою порцию побоев – неважно, раненый он или больной, обмороженный или даже подвергшийся ампутации. Мне ясно, что боевой дух солдат от этого не поднимается, лишь усиливается ненависть к офицерам... Румынским крестьянским парням нет ни минуты покоя, они заняты с утра до ночи. Они не только должны обслужить и ублажить своих командиров роты и взводов, но раздобыть для них самые немислимые вещи, чтобы создать в офицерских блиндажах уют. Больше того, целые взводы заняты делом, до которого не додумается обыкновенный смертный... Сегодня 40 солдат заняты постройкой специальной конюшни для любимицы капитана скаковой кобылы Мадмуазель. В ней просторнее и теплее, чем в любом убежище для солдат...»³⁶.

Но несмотря на все недостатки румынских войск, Манштейн был убежден, что румынские соединения на протяжении войны «оставались лучшими из наших союзников, сражались точно так, как этого можно было ожидать после опыта крымской кампании». Для сравнения – в отношении боеспособности итальянцев, фельдмаршал утверждал, что «всякая иллюзия была излишней»³⁷.

Победа Красной армии под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. В период контрнаступления с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. советские войска разгромили пять вражеских армий, в том числе две румынские. Это было самое

крупное поражение румынской армии на советско-германском фронте. Оно повлекло за собой усиление кризиса диктатуры Антонеску. В ходе дальнейших военных операций румыны, как и немцы, отступали и несли большие потери. К весне 1944 г. советские войска подошли вплотную к границам территории, оккупированной Румынией.

«На боеспособность примерно двадцати использовавшихся здесь румынских дивизий, которые в большинстве своем были вкраплены в немецкую оборону, особых надежд возлагать не приходилось, – отмечал К. Типпельскирх. – Слишком большое превосходство русских и длинная цепь поражений, отбросивших их или их соотечественников с Дона и кубанского плацдарма через Крым назад в Румынию, подействовала на них так сильно, что теперь румынские войска не могла воодушевить даже идея защиты родины и сознание необходимости выполнить свой долг. Также мало привлекал большинство солдат и лозунг борьбы против большевизма. Тоталитарный режим, державшийся в стране лишь благодаря победам немецких войск и вытекавшим отсюда территориальным приобретениям, потерял всякую популярность»³⁸.

20 августа 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов начали Яско-Кишиневскую операцию, в течение нескольких дней полностью разгромив немецкую группировку в Бессарабии. А через четыре дня в Бухаресте вспыхнуло восстание. Антонеску был арестован. Румыния объявила о выходе из войны. В стране начались бои между румынами и немцами. В начале сентября Румыния была полностью очищена от германских войск. 12 сентября было подписано советско-румынское перемирие.

6 мая 1946 г. в бухарестском народном трибунале начался суд над Антонеску и его министрами. 17 мая бывший диктатор был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение 1 июня.

Это возмездие подводило черту участию Румынии во Второй мировой войне. Война ушла в прошлое, в котором генералы германского вермахта указывали на слабую боеспособность румын относительно как немецких, так и советских подразделений. Но в сравнении с другими армиями сателлитов, признавали, что румыны им не только не уступают, но даже превосходят по надежности и исполнительности.

Любопытный факт: самую известную награду за воинскую доблесть в Германии в годы Второй мировой войны – Железный рыцарский крест – получили 43 иностранца. В их числе 18 румын, 9 итальянцев, 8 венгров, 2 испанца, 2 финна, 2 японца, 2 словака³⁹. А высшим военным орденом СССР, орденом «Победы» в числе пяти иностранцев был награжден король Румынии Михай.

¹ Гёрлиц В. Паулюс: трагедия фельдмаршала / Пер. с нем. А.Л. Уткина. – Смоленск, 2006. – С. 125.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. – Т. 2. – М., 1958. – С. 696.

³ Левит И.Э. Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию: Сборник статей. – М., 2005. – С. 195.

⁴ Цит. по: Карпов В. Полководец. – М., 2003. – С. 89.

⁵ Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. 1941–1944 гг. / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. – М., 2004. – С. 633, 89, 73.

⁶ Там же. – С. 188.

⁷ Там же. – С. 73.

⁸ Там же. – С. 73.

⁹ Кейтель В. Взгляд в прошлое накануне смертного приговора (Из воспоминаний) // Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. – Смоленск, 2000. – С. 344.

¹⁰ Дёрр Г. Поход на Сталинград // Роковые решения. Поход на Сталинград. – СПб., 2000. – С. 507.

¹¹ Там же. – С. 506.

¹² Маништейн Э., фон. Утерянные победы. – Смоленск, 1999. – С. 228, 229.

¹³ Гудериан Г. Воспоминания солдата. – Смоленск, 1998. – С. 499, 503.

¹⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. – Т. 1. – М., 1946. – С. 214.

¹⁵ Тревор-Ропер Х. Указ. соч. – С. 41.

¹⁶ Там же. – С. 324.

¹⁷ Там же. – С. 325.

¹⁸ Вельц Г. Солдаты, которых предали: записки бывшего офицера вермахта. – Смоленск, 1999. – С. 210.

¹⁹ Типпельскирх К., фон. История Второй мировой войны 1939–1945. – СПб.-М., 1998. – С. 349-350.

²⁰ Гальдер Ф. Военный дневник. 22. 06. 1941 – 24. 09. 1942. – М., 2004. – С. 95.

²¹ Левит И.Э. Указ. соч. – С. 231.

²² Гальдер Ф. Указ. соч. – С. 267.

²³ Там же. – С. 269.

²⁴ Там же. – С. 346.

²⁵ Харт Лиддел Б. Битвы Третьего рейха. Воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии. – М., 2004. – С. 242.

²⁶ Бок Ф., фон. Дневники. 1939-1945 гг. – Смоленск, 2006. – С. 450.

²⁷ Зенгер Ф., фон. Ни страха, ни надежды. Хроника второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940-1945. – М., 2003. – С. 92.

²⁸ Там же. – С. 103.

²⁹ Цейтцлер К. Сталинградская битва // Роковые решения. Поход на Сталинград. – СПб., 2000. – С. 219.

³⁰ Дёрр Г. Указ. соч. – С. 507, 508.

³¹ Видер И. Сталинградская трагедия. За кулисами катастрофы. – М., 2006. – С. 254.

³² Адам В. Сталинградский кошмар // Адам В., Видер И. Сталинградский кошмар. За кулисами битвы. – М., 2007. – С. 67.

³³ Маништейн Э., фон. Указ. соч. – С. 230.

³⁴ Там же. – С. 229, 230.

³⁵ Там же. – С. 231.

³⁶ Вельц Г. Указ. соч. – С. 212, 213.

³⁷ Маништейн Э., фон. Указ. соч. – С. 351, 368.

³⁸ Типпельскирх К., фон. Указ. соч. – С. 624.

³⁹ Залесский К.А. Железный крест. Самая известная военная награда Второй мировой войны. – М., 2007. – С. 49, 50.